

*Бог уловляет души удочкой,
Дьявол загребает сетью.*

*Александр
Дюма-отец*

ВНУК

Дмитрий Арефьев

12+

Дмитрий Арефьев

Внук

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64697012

SelfPub; 2021

Аннотация

СССР, 50-е годы. В одной из глухих селений Мордовии местных жителей охватывает ужас при одном лишь упоминании о фамилии Громовых. На первый взгляд ничего необычного. Громовы – среднестатистическая советская семья, но только не для тех, кто знает их достаточно близко. Что же настолько сильно пугает людей, что те ищут спасение в лице местного батюшки о. Василия? Странные выходы Бабы Насти или вынужденная скрытность её дочери Нины? А может быть, дело в молчаливом мальчике по имени Саша? Всё тайное станет явным, когда к двери дома Громовых принесут деревянную крышку гроба.

Содержание

Дмитрий Арефьев

Внук

Громовы жили в старом бревенчатом доме на самом конце улицы, продолжением которой был непроходимый хвойный молодняк, плавно переходящий в ломаную стену векового леса. Единственная ухабистая дорога, связывающая село Сосновое с городом, была едва лучше топкого болота и только зимой в пределах накатанной колеи становилась проезжей для деревянных саней и телег. Лошадей на селе с каждым годом становилось всё меньше. Пара-тройка голов, не считая старой кобылки кузнеца дяди Толи. Он был из числа тех единоличников, которые не желали вступать в колхоз и жертвовать добрую часть имущества государству. Со всем скоро ими займутся соответствующие органы. Со временем перестанут заезжать в Сосновое черногривые тяжело-возы лесорубов, которые на протяжении всей зимы заготавливали лес и по брёвнышку возили его на местную железнодорожную станцию для отправки в другие уголки Советского Союза. Немного останется и тех, кто решит жить на селе, когда большая его часть уже перекочет в город. Это потом, а пока небольшая мордовская деревушка жила своей неприметной жизнью в паутине таких же, раскиданных по республике селений, где люди довольствовались тем, что посылал Бог, не имея привычки жаловаться на скромный до-

ход и плохие дороги. А с приходом тёплых весенних деньков дорога в Сосновом превращалась в непреодолимый грязевой поток с разливающейся во все стороны жижей, поэтому под палящим апрельским солнцем маленький мальчик Сашенька Громов не резвился на высохшей лужайке под окном, а терпеливо ждал, когда его старые резиновые сапожки станут в пору, чтобы покорять редеющие лужи. Сашенька рос примерным мальчиком, и если бы кто-то спросил, чей такой смыслённый малыш, ни на секунду не расстающийся с деревянными солдатиками, то непременно услышал бы в ответ: «Это Сашка Громов, внук Анастасии Егоровны». Солдатики вырезал ему папа, но отца Сашенька никогда не видел. Ещё до его рождения Савелий Громов упал с лошади и умер, после чего мама решила больше никогда не заводить лошадей. В опустелый загон поселились три белые козочки, за которыми Сашенька любил наблюдать, в особенности за тем, как те смешно задирали мордочки вверх и фырчали, приподняв верхнюю губу. Забавные козочки! А с каким нетерпением они ждали, когда малыш подбросит кусочки моркови вверх, чтобы те ловили их в воздухе! Сашенька заливался заразительным смехом в ответ на недовольное фырканье козочек, если тот вдруг промахивался и бросал морковку выше, чем нужно. Маленькому Саше, весёлому и пока ещё беззаботному маленькому человечку, было невдомёк, что через несколько дней он уже не сможет кормить любимых питомцем, не сможет видеть игривые козы мордочки и дразнить

их палочкой. Через несколько дней к ним в дом пришёл священник.

Когда произошла эта история, Сашеньке едва исполнилось три, и он был не из тех, кто мог расплакаться, оставшись на несколько минут без присмотра. Если было нужно, мама, не боясь, наказывала малышу сидеть тихо, зная, что Саша послушается, ведь мама всегда права, мама сможет защитить от внешнего мира, а мир, он слишком опасен, чтобы, будучи ребёнком, пытаться познать его в одиночку. О том, что мир опасен, Сашенька понял ещё с рождения, когда этот самый мир на первом году жизни открылся ему не с лучшей стороны. Когда Сашеньке было четыре месяца, его укусила змея. Была ли в этом вина бабушки, которая забыла закрыть дверь в сени¹ и не заметила, как влажная от росы кожа гадюки лоснилась в лучах утреннего солнца? Сначала у порога, затем у подножья печи, за тем у детской люльки. Или же виновна сама мама, в том, что, не поднимая головы от железного таза с мылом, так усердно пыталась вывести прошлогоднее пятно с дорогой ситцевой юбки? Никто не видел, как гадюка проникла в избу, а вот пронзительный детский вопль слышали все. Мама в ужасе бросилась к люльке, обнаружив на пухлой ручонке малыша два характерных следа от маленьких острых зубов, отчего крик отчаяния от упущенной возможности защитить собственное дитя, застрял где-то в гор-

¹ Сени – в деревенских избах и в старину в городских домах: помещение между жилой частью дома и крыльцом.

ле, выпустив наружу лишь глухой сдавленный писк. О том, что это была змея, никто не мог подумать, по одной простой и банальной причине, с детства известной каждому человеку, выросшему в деревне – змеи боятся холодной воды. В то утро была обильная роса. Нужно отдать должное бабуле. Не мешкая, старушка взлетела на печь, где хранилась пара десятков пучков сушёной травы и корней, среди которых была она – Синюха Голубая². Стебли и листья бабушка, словно в жерновах, перетёрла мозолистыми руками, затем приложила к месту укуса. Дальнейшее зависело только от Господа Бога, поэтому, упав на колени, мама с мольбами кинулась к Святым Образам. Но вот у бабушки на этот счёт было другое мнение. С обескровленным лицом статуи и странным блеском в смеющихся глазах она снова полезла на печь, чтобы ...

Что именно помогло малышу выкарабкаться, остаётся загадкой и по сей день, но одно было известно наверняка. Уже через неделю младенец пришёл в себя, хотя и лишился дара речи, будучи с рождения здоровым. Он остался тем же черноволосым мальчиком с ясным глубоким взглядом, но теперь за карими, как смоль, глазами скрывался тяжкий недуг молчания.

Эта небольшая история не о том, как Саша пережил укус змеи, и не о том, к каким необратимым последствиям его это

² Синюха Голубая – травянистое растение высотой 35—140 см с голубыми соцветиями.

привело. Речь пойдёт о наивном и доброжелательном по своей природе намерении ребёнка помочь своей бабушке, когда та вдруг решила покинуть этот мир.

Всё случилось 28 января 195.. года. Был холодный сумрачный день, не предвещающий ничего необычного, но маленький Саша навсегда запомнил этот день, потому что утром 28 января 195.. года к крыльцу их дома поставили дубовый крест и деревянную крышку гроба.

Сидеть на деревянной скамье было неудобно. Мало того, что ноги не доставали до пола, так ещё и сам стол упирался прямо в подбородок. Сашенька сидел и болтал ножками взад-вперёд в ожидании того, что мама скоро придёт. Он ещё не понимал, для чего в дом пришло столько незнакомых людей, а у двери на деревянной табуретке стояла стеклянная банка, куда каждый пришедший клал деньги. Вот и дедушка Ваня с бородой, похожей на лопату, что торчала в сугробе возле сарая, опустил на дно смятую бумажку. За ним следом в дом зашли три старушки, которых Саша не знал. Дедушка Ваня был частым гостем в доме Громовых. С наступлением православных праздников он приносил угощения из церкви, которая находилась в соседнем селе, а это более восьми километров лесной извилистой дороги, уходящей в болотистую обширную пойму реки Алатырь. Иногда приносил пироги или сахарные плюшки, которые Саша мог есть до посинения, несмотря на запреты мамы не налегать на сладкое. Сашка любил дедушку Ваню и каждый раз, когда тот появ-

лялся на пороге, малыш встречал его радостными криками.

У всех пришедших были покрасневшие от мороза лица, как грудки снегирей, но безрадостные, строгие, иногда усталые и даже испуганные. Каждый раз, когда открывалась дверь, в прихожую врывался запах незнакомцев и едкого дыма. Люди, словно тени, проплывали мимо, не замечая пытливого взгляда Сашеньки, и направлялись напрямик в переднюю избу³, где молча снимали шапки и застывали на месте, как деревянные истуканы. Так сделал и дедушка Ваня. Только перед тем, как переступить высокий порог, он посмотрел на Сашеньку с прискорбием и жалостью, а не с присущим ему ранее радушием. Сашенька заметил это, но не удивился. До Дедушки Вани за сегодняшнее утро он принял с десятков подобных взглядов, к которым уже начинал привыкать

– Вот и всё, – произнёс прокуренным голосом сутулый мужик в кроличьем тулупе. – Теперь село вздохнёт.

Он стряхивал с плеч хлопья снега, когда резким шлепком по спине его вдруг одёрнула жена:

– Цыц! Молчи, дубина. Беду ещё на дом накликаешь!

Она говорила шёпотом, чтобы никто не услышал, но Саша слышал.

– Да чего уж, – недоумевал мужик. – Всем и без того известно, что тут творится. Бог всё видит. Вон, и в напругу мальчика немого послал.

³ Передняя изба – комната с передней стеной, которая, как правило, имела несколько окон, выходящих на улицу.

– Цыц, башка дурная! – рявкнула женщина и сунула в банку бумажку. – Пшёл давай!

В передней становилось тесно. Сашенька вытянул шею вперёд, чтобы заглянуть за высокие спины странных гостей, но так и не смог разглядеть знакомый силуэт мамы. Ещё утром с обеспокоенным взглядом, полным решимости сделать что-то очень срочное и безотлагательное, она усадила его на скамью, сунула в руки деревянного солдатика и наказала никуда не ходить. Сашенька не помнил, когда мама в последний раз так делала, и делала ли вообще. Нина была женщиной волевой, сильной. При виде таких на ум приходила поговорка про женщин в русских селениях, которые и коня останоят, и в избу войдут, только вот после случившегося несчастья с сыном Нина сильно изменилась, хотя многие считали, что причина заключалась совсем в другом. Уже не было той незыблемой тверди в её словах, той властной осанки и неисчерпаемой жизненной силы, что со временем таяла, подобно плавящейся свече, и в конечном итоге съежилась до размера маленького нательного крестика, который мама всегда хранила на груди. Шло время, и Сашенька уж было привык к странным недомолвкам матери в адрес бабули, привык и к порой необъяснимому поведению самой бабушки, результатом чего обычно становились семейные ссоры. Привык. Но в сегодня утром что-то изменилось. Сашенька почувствовал перемены, как только увидел лишённое покоя лицо матери, впопыхах усаживающей его на скамью.

– Сиди здесь и никуда не ходи!

Не дождавшись ответа, мама, казалось, наугад бросилась в бабушкину кладовку, откуда тут же послышался звук падающих с полок стеклянных пузырьков и жестяных банок. Затем стали прибывать странные люди, и Сашенька потерял маму из виду.

Дом Громовых был небольшой, но для маленького молчаливого человечка он казался целым дворцом с множеством комнат. Всего их было две. Большую часть дома, занимала кухня с добротной кирпичной печью, в основании которой уже разохся старый деревянный приступок⁴. Иногда Сашенька не мог уснуть, слушая, как скрипят изношенные доски под ногами непоседливой бабули. Лёжа в кровати, Сашенька закрывал глаза и прижимался к маме, пока баба спускалась вниз, затем снова поднималась вверх, а затем снова вниз. Так могло продолжаться всю ночь. И не одну ночь.

Монументальная печь в глазах малыша выглядела огромным кораблём, который был настолько массивным и тяжёлым, что даже самые большие волны не могли поколебать его. Когда в топке занимались дрова, потрескивая яичницей на раскалённой сковороде, Сашенька представлял, что внутри корабля забилося его громадное металлическое сердце – паровой двигатель, и вот-вот дадут слабину половые доски-волны, с хрустом расходясь в стороны перед кирпичной поступью покорителя морей. настолько громадным и непре-

⁴ Приступок – ступенька, возвышение, по которому можно взойти куда-либо.

ступным был каменный гигант, с торчавшей в потолок трубой, что Сашенька боялся не то чтобы взобраться наверх, но и подумать об этом. Хотя там наверху было то, что манило его к себе, заставляло свесить маленькие ножки вниз с кровати и под покровом ночи проникнуть на борт, как, по всей видимости, делала это бабуля. Там что-то было. Настолько секретное и сокровенное, что мама строго настрого запретила приближаться к старому приступку, придумав для малыша доступную для его понимания страшилку.

– Там живёт злая собачка! – говорила она шёпотом, указывая пальцем на выцветшую занавеску печи. – Если вздумаешь пойти туда, она схватит тебя за шиворот и унесёт в свою норку.

«За шиворот и в норку»

Сашенька не хотел в норку. Ему было трудно утихомирить желание взобраться на печь, но после слов матери оно перестало быть таким навязчивым и злободневным, таким насущным, чтобы ради удовлетворения любопытства он смог однажды отважиться на захват корабля. Тем не менее, Сашенька отважился. Причиной того, что среди ночи малыш вдруг открыл глаза, были всё те же заунывные скрипы приступа. Осторожные, слепые, но режущие до мурашек слух, подобно скрипу ногтей об оконное стекло. Сашеньке не надо было включать воображение, чтобы представить, как проминаются старые доски под хромыми ногами бабули, потому что он всё видел сам. Да он видел! Набравшись храбро-

сти, он выбрался из-под руки спящей матери, ничком сполз с кровати и прокрался на кухню, где при брезжащем свете керосиновой лампы стал свидетелем самого сокровенного секрета бабули. Вот он кирпичный корабль, а Баба взбирается на борт, не замечая маленького шпиона. В глазах ребёнка занялся огонёк любопытства, подогреваемый желанием подойти ближе, но Сашенька знал, что вторая половица на кухне скрипит пуще печного приступа. Бабушка услышит его, стоит только сделать шаг. К счастью бабуля забыла закрыть до конца занавеску, подарив тем самым возможность лазутчику видеть половину лежака и часть кирпичной кладки с нишей, где обычно сушились валенки. Сашеньке замер в оцепенении, как вдруг заметил огромного чёрного паука, тянувшегося к этой самой стене. Страх не отпустил детское сердечко даже после того, Сашенька узнал в пауке костлявую руку бабули с крючковатыми пальцами, растопыренными в стороны, словно капкан. Паук приближался к жертве, скользя по шероховатой поверхности кирпичей, и вдруг учуяв добычу, остановился. Капкан захлопнулся. Из стены с глухим скрежетом полез кирпич, открывая далеко не самый хитроумный, но весьма надёжный тайник. Едва баба запустила руку в появившуюся нишу, как остановилась на полпути. Сашенька уже не дышал. Он затаил дыхание, чтобы не привлечь к себе пристальное внимание бабули, но в следующее мгновение прямо по голове ударила молния:

– Что ты здесь делаешь, солнышко?

Бабушка вкрадчивым взглядом ощупывала малыша, пытаясь вытащить из него ответ на возникший у неё в голове вопрос: «Что ты успел разглядеть?»

Сгорая от стыда, малыш почувствовал слабость в коленях. Теперь не баба, а он был пойман с поличным. Теперь не баба тот монстр, не дающий спать по ночам, а он, потому что так бессовестно подглядывал.

«Прости меня! Я больше не буду!»

Губы малыша остались недвижимы. Улыбнувшись, бабуля с тем же скрежетом вернула кирпич на место, надеясь, что Саша ничего не видел.

– Что ты здесь делаешь? – прохрипела старушка.

Сашенька уловил в старческом голосе нотки враждебности. Он уже не чувствовал под ногами пола и не осознавал, как пятился назад, а ручки шарили в кромешной темноте, чтобы нащупать опору. В его памяти так и остался провожающий его обратно в спальную вопросительный взгляд бабули и эта странная улыбка на её лице. Странная, беззубая, недобрая улыбка.

Пока дом наполнялся людьми, Сашенька сидел на скамье возле той самой печи, и рядом не было ни мамы, ни бабушки – никого, кто смог бы выкрикнуть в спину, карабкающемуся по ступенькам малышу: «Стой!». Саша ёрзал на месте, изнывая от желания послушаться маму. Всего-то надо было спрыгнуть с лавочки, пройти вдоль кирпичной стены печки и обогнуть её с тыльной стороны, чтобы добраться до приступка.

А дальше ничего сложного: на карачках доползти до кладки, что тянется к потолку, и вот он кирпич торчит из стены чуть больше остальных. Саша уже представил, как его пальчики хватают прямоугольный камень красно-коричневого цвета и тянут его на себя. Детское богатое воображение, подогреваемое излишним любопытством, не давало сидеть на месте сложа руки, как наказала мама, поэтому Сашенька больше походил на малыша, который хочет в туалет.

Ход мыслей прервал скрежет петель входной двери. Гости прибывали. Некоторые из них на несколько секунд присоединялись к толпе, а затем находили себе место на длинной скамье у двери. Словно птенец ласточки, Сашенька тянул от любопытства шею, в результате чего ему удалось заметить в передней несколько горящих свечей, наполняющих дом запахом расплавленного воска. Раньше он никогда не чувствовал этого запаха. Наблюдая за тем, как дрожит белый цветок на фитиле, малыш пытался вспомнить, видел ли он такое прежде. Разве у бабушки не было свечей? Почему они так и остались на полке настенного шкафчика связанные в пучок капроновым шнуром? Почему. Ведь это так... красиво! Было настолько тихо, что Сашенька услышал, как сухо трещит свеча, вставленная в блюдо с пшеном. Точно так же, но громче трещал за окном костёр, который кто-то развёл прямо посреди двора, и теперь через окно были видны его красные языки, рвущиеся к небу. Мама никогда не разрешила бы Сашеньке подойти к такому костру. Слишком жарким

и жадным было красное пламя, подобное великану с огненными распластанными во все стороны руками, которые так и норовят сожрать на пути всё, что попадетсЯ. Зачем мама развела такой большой огонь? Сашенька смотрел в окно, и ему становилось страшно. Не только от того, что рядом не было мамы и бабушки, не от разгорающегося за окном костра, а больше от того, что он остался наедине со своими желаниями, а главное – возможностями.

«Не ходи, там собачка»

«Что ты здесь делаешь, солнышко?»

... и эта беззубая странная улыбка, с чуть поведённым в сторону уголком рта, смеющаяся над маленьким человеком, который знает теперь больше, чем нужно.

«Что ты видел? Разве ты что-то видел?»

Беглый взгляд взволнованных мальчишеских глаз искал спасение где-то на потолке, затем вдруг остановился на большом прямоугольном зеркале, перед которым бабушка читала свои «песни». Бабушка любила «песни», но больше всего, пожалуй, она любила это зеркало. Была для неё в нём какая-то особая значимость и сила, доступная только ей самой. Если мама оставалась дома, а баба принималась читать, Саша понимал, что бабуля вновь встанет перед зеркалом, а мама возьмёт его за руку и отведёт в сторону, чтобы тот ни в коем случае не слушал.

– Прекрати! – однажды в отчаянии выкрикнула мама. – Ты не знаешь, к чему это может привести!

Бабушка что-то сердито фырчала в ответ, а потом Сашенька видел, как бабушка шла в переднюю, где на стене висело её зеркало. Мама уходила прочь, зажимала в кулаке нательный крестик и что-то тихо шептала себе под нос, зажмурив глаза. Сашенька ещё не понимал, почему мама так ненавидит «песни». Маленький Саша со своим однообразным в силу возраста восприятием мира находил их забавными, но маму «песни» приводили в ужас. Они были похожи на скомканые голоса различных животных, сливающихся воедино так, что казалось, будто вся скотина во дворе вдруг запела хором. Именно так впоследствии опишут местные жители исходящие порой из дома Громовых странные звуки. Как будто скотина запела хором. Не заржала, не замычала, не залаяла – запела! В итоге «песни» переходили во внутриутробные булькающие звуки, от чего баба испытывала приступ рвоты. Бабушку тошнило до появления на лице белых пятен, и в этот момент она могла хрипеть и кашлять, как умалишённая. Когда Сашенька чувствовал, что мама начинает прижимать ладони к его ушкам сильнее, чтобы тот не слышал, как бабушка изрыгает из себя проклятия, заливая пол зелёной слюной, он понимал – «песня» заканчивается. А это означало, что бабе скоро станет лучше.

А теперь зеркало кто-то накрыл плотной шалью. Даже то, что было в прихожей, и то, что над умывальником тоже, и то, что в сенях⁵ у двери. Был виден только уголок деревянной

⁵ Сени-в деревенских избах и в старину в городских домах: помещение между

рамки, которую сладил дедушка Ваня, когда старая совсем рассохлась.

Откуда-то вдруг появилась незнакомая тётя, похожая на тех, что приходили в гости к маме, когда баба ещё не читала «песни». Как и все пришедшие, женщина направилась в переднюю, но заметив на скамейке маленького мальчика, остановилась. Опустившись перед ним на колени, она спросила:

– Хочешь баранку, малыш?

Надув нижнюю губу при виде незнакомого человека, Саша кивнул. В животе урчало. Тётя оставила в пухлых ручках угощение и зачем-то смахнула слезу. Может быть, это была знакомая мамы? Ушла.

– Внук Егоровны, – шёпотом пояснил ей волосатый дедушка, стоявший возле двери.

Он сказал это так, словно на скамейке сидел не ребёнок, а нечто зловещее, к чему было лучше не приближаться. Сашенька не обратил на него никакого внимания, потому что, кусая баранку, пропустил обидные слова мимо ушей. Он по-прежнему сидел на скамье, стараясь рассмотреть, вокруг чего так плотно столпился народ в передней. Внезапно одна сторбленная старушка прошептала что-то на ухо другой, после чего они вместе собрались на выход. Тогда-то Саша и разглядел, что в посреди комнаты на двух табуретах стоит огромный деревянный ящик, из которого, как штакетник, торчат носки фиолетовых тапочек. Тех самых, которые все-

гда носила бабушка. Перед тем, как выйти на двор, она оставляла их у порога и то же самое делала, когда ложилась спать.

«Неужели Баба лежит в этом ящике?» – подумал Сашенька, не обнаружив у порога знакомых тапочек.

Это точно были они – бабушкины тапочки! Фиолетовые с бежевой прослойкой резиновой подошвы в ромб и округлым бугорком на месте большого пальца. «Косточки», как говорила мама, когда Сашенька в недоумении уставился на шарообразные шишки на ногах бабули, отчего большой палец топорщился в сторону, будто у обуви были слишком узкий носок. Специфичная болезнь по мере носки тапочек изменила их форму до такой степени, что Сашенька никогда не спутал бы их с другими. Такие тапочки могла носить только его бабуля и больше никто. Малыш почти решился просочиться сквозь толпу, подойти вплотную к деревянному ящику, схватиться руками за борт и подтянуться, чтобы удостовериться в своём предположении, как вдруг услышал долгожданный голос матери:

– Нашла-нашла!

Мама появилась из-за чьей-то широкой спины. В руках у неё мелькал небольшой матерчатый свёрток. Споткнувшись, она чуть не упала на пол, но последний момент ухватилась за ручку двери, сохранив равновесие. Мама выбежала в сени, прихватив странную находку с собой.

– Куда ты, Нина? – нарушил тишину обеспокоенный голос незнакомой тётки в длинной юбке и тёмном платке. – Ещё

одну нашли?

В окне появилась знакомая фигура матери, бросающей в костёр свёрток. Ответом на это из огня в небо устремился град искр, озаряя серое от усталости родное лицо.

– Ещё одну нашли, – подтвердил кто-то из людей. – Бедная женщина.

– А может, зря нагоняете на Егоровну? – сказал вдруг бородатый мужик. – Чего вы тут жути наворотили? Вот придёт отец Василий и скажет вам, что и как?

Мужик подошёл к столу, на котором стояли несколько бутылок с мутной водой, закупоренные бумагой, свёрнутой в трубочку. Взяв одну из бутылок, он наполнил стакан и молча осушил его, занюхав рукавом. Несмотря на то, что стол с бутылками был в другой комнате, Сашенька услышал едкий запах, напоминающий смесь свежее выпеченного хлеба и прокисшего рассола. Иногда так пахло от дедушки Вани.

– Будет вам, языками чесать, – выдал он напоследок и направился к двери, где столкнулся с мамой.

Промокшие волосы прилипли к её впалым щекам, а на лбу образовались грязные капли от растаявшего снега. Осувшиеся плечи припорошило хлопьями пепла. Из рта шёл пар. Войдя внутрь, мама, словно ищейка, принялась заново осматривать избу. Сначала прихожую, затем кухню и снова бабушкину кладовку. Печь! В её воспалённых от едкого дыма глазах забрезжила надежда. Она забыла проверить печь!

Сашенька видел, как мама в отчаянии взобралась на ста-

рый приступок и принялась ворошить сложенные в стопу валенки, как вниз полетели старые ржавые кастрюли, пучки сушёной травы и три подвязанных мешочка с сухарями, старое одеяло с цветными заплатками, шерстяные носки, варежки, снова валенки и пустой жестяной поднос, на котором летом сушили грибы.

«Зачем ты делаешь это, мама? Баба болеет? Она там, в ящике! Посмотри! Нужно помочь ей!»

На глазах Саши появились крохотные звёздочки – слёзы. Вопрошающим взглядом он смотрел на то, как мама разбрасывала бабушкины вещи, и пытался понять, почему она так поступает, ведь с самых первых самостоятельных его шагов, мама учила порядку и чистоте. Что же случилось?

– Нина, уймись! – услышал Сашенька от женщины в чёрном платке. – Там больше ничего нет, Нина! Мы всё сожгли. Слезай уже, скоро отец Василий придёт.

Мама спустилась по скрипучим ступеням, но на это раз с пустыми руками. Она ничего не ответила, только посмотрела на гостей уставшими от напряжения глазами, в которых ещё не пропало желание довести дело до конца.

– Теперь животину под нож, – на выдохе произнесла мама. – Всех до единого!

– Да как же так, Нина? – опешила женщина. – Козы-то тут при чём? Не хочешь держать, отдай Большаковым. У них сарай-ка то сгорела, и живность вся вместе с ней! Им кстати будет.

– Нет, – возразила мама.

По лбу её стекал грязный пот, передник вывозился в саже, как и руки. Мама никогда не позволяла себе так выглядеть. Где она так испачкала руки? Что значит «под нож»?

– Делайте, как я сказала? – поставила точку мама уже ослабшим, но ещё не лишённым прежней уверенности голосом. – Да простит меня Бог, если я не права.

Она поцеловала нательный крестик. Затем вытерла с лица пот и сказала:

– Передай Кирюхе, пусть режет всех. Только не сейчас. Завтра пусть приходит.

Женщина в платке попятилась назад и обратилась к одному из рослых мужчин, с которым они ушли на задний двор, где бабушка держала коз. Саша успел заметить, что именно к этому мужчине мама обращалась – Кирюха. После смерти отца на первых порах он помогал маме с бабой вести хозяйство. Летом готовил на зиму дров, а те давали ему в замен банки с соленьем. Кирюха жил один и зарабатывал где только мог: кому крылец сладить, кому сруб для бани приготовить. Молодой парень, но так и не нашедший своего места на селе, вот уж несколько лет жил по течению, нередко пропадая до утра в пьяной компании бывалых мужиков. Тем не менее, на все руки мастер был Кирюха, поэтому Сашенька не удивился, когда мама назвала его имя. Только вот что именно она попросила его сделать, Саша так и не понял.

– Правильно ли, Господи? – взмолилась одна из пришед-

ших старушек. – Так ведь живая же скотина. За что так-то?

– Да как за что, Клавдия, – ответила та, что была с ней рядом. – Ты разве не знаешь, что колдуньи творят?

Сашенька не хотел слушать чужие разговоры, но слово «колдунья» было ему знакомо. Сам того не подозревая, он подвинулся чуть ближе, что бы удовлетворить своё любопытство.

.... вот так оно и было! – закончила старушка.

– Что прямо в скотину? Быть не может!

– Народ сказывает и не такое они могут, – настаивала старушка. – Если душа продалась Дьяволу, прости Господи, то и нет ей места на небесах.

Одна из них подняла палец вверх, указывая на потолок, будто там и были ответы на все вопросы. Саша не мог слышать дальнейшего разговора, потому что, перешёптываясь, старушки снова присоединились к гостям, окружившим деревянный ящик. Такие, как они, могли втихомолку секретничать о личном или перемывать косточки удачливому соседу, а может быть, вспоминать события не так давно прошедших лет? Недаром же они так сказали – «колдунья»

Саша знал это слово. Он слышал его ни единожды от своей мамы, в частности когда она рассказывала ему про странных людей, приходящих в дом, когда Саша был ещё грудным младенцем. Тогда баба только начинала читать, чего уже было достаточно, чтобы это заметили окружающие. В семье Громовых насупили не самые лучшие дни. В один из таких

дней в дверь постучались трое мужчин. В руках одно из них была икона Пресвятой Богородицы, окаймлённая деревянной рамой.

– Открывай Егоровна! – кричал басом на пороге самый смелый из них. – Отворяй же, ну! Поговорить нам надо!

Недовольно хрюкнув, бабушка спрыгнула с печи, спрятав под подушку тряпичный свёрток.

– Это кто там!?! – высунулась она из окна. – Сказано же было, нет на мне греха!

– Впускай, говорю, – настаивал мужик. – С добром пришли. Не видишь, Святой Образ с нами. Не противься Егоровна, пускай!

– Да заходите же! Жалко, что ли.

Старушка вышла в сени и отворила дверь.

– Вот, – сказал мужик, указывая на икону. – Поместить в доме надо. Решили мы так. Икону из дома Гавриловых взяли. Они сказали, что для такого дела не жалко, только бы толк был. Хотим в доме у тебя оставить, чтобы ты каждое утро и вечер с молитвой встречала.

Остальные двое пришедших стояли поодаль, словно сторонясь недоброго взгляда Егоровны. Они молчали и пришли, по всей видимости, не по своей воле.

– Ну, так мы войдём? – спросил тот, что впереди.

– Так надо ли, родные мои? – изумилась Егоровна. – У меня дома и без того угол образами забит. А решили если, так я противиться не буду. Делайте, что задумали.

Старушка смиренно отошла в сторону, дав пройти незваным гостям.

Странное оживление у порога Анастасии Егоровны заметил отец Василий. С курчавой бородой и длинными волосами, собранными в пучок, он был всегда узнаваем на улице, и стоило ему только появиться на селе, как с каждого двора его приветствовали местные жители. Все любили отца Василия, потому как знал он ответы на насущные вопросы прихожан. В свой дом он впускал без стука и был рад любому гостю, с каким бы намерением тот не пришёл. Жил отец Василий в Сосновом, и чтобы добраться до старой деревянной церквушки, ему приходилось ходить в соседнее село. Иногда он ходил вместе с дедушкой Ваней, что скрашивало долгий путь занимательными беседами. За неимением лошади о. Василий иногда обращался к Кирюхе, который никогда не отказывал и подвозил батюшку на службу, когда дорога становилась непроходимой. Также делали и местные жители. Порой в воскресенье утром можно было видеть, как они стягивались с разных концов улицы на окраину села, чтобы на двух-трёх оставшихся в пользовании повозках отправиться на службу.

В тот день он с присущей ему радостью и умилением отслужил «вечернюю» и неспешной походкой возвращался домой, как вдруг увидел на пороге дома Громовых знакомые лица.

– Здравствуй, Захар, – обратился он к широкоплечему му-

жику с иконой в руках. – Здравствуй, Анастасия Егоровна! Что вы тут делаете такое?

Мужики замялись. От неожиданности они не смогли сразу ответить.

– А это они так нечисть из моего дома выгнать хотят! – выпалила бабуля. – Гавриловы вот даже икону не пожалели, как будто я чёрт какой-то!

Отец Василий от удивления чуть было не открыл рот. Настолько он был огорашен, что на мгновение лишился дара речи. В прямом смысле.

– Скажите им, батюшка, что нет греха на мне, – тараторила старушка. – Что теперь, в самом деле, в каждом углу вам Дьявол мерещиться будет? Оставьте в покое, прошу! Чиста я перед Богом! И внука вон от смерти вымолила, и дочка у меня в порядке!

Священник без слов отошёл в сторону, жестом подозвав к себе Захара.

– Зачем вы так? – спросил батюшка, стараясь говорить тише, чтоб никто не слышал. – От маловерия это всё. Грех! Прекратите и верните икону на место.

– Так ведь она...

– Да знаю я. Пусть делает, что душа её желает, – перебил о. Василий. – Грешить, даже Бог не может запретить. А вы прекращайте самоуправство.

Захар опустил голову, как провинившийся школьник. Перечить он не стал, да и как мог, ведь батюшка был прав.

Гостей, подобных Захару Ермакову с каждым месяцем становилось всё больше. Отец Василий был сильно обеспокоен тем, что местные жители в один голос утверждали, что слышат странные звуки из дома Анастасии Егоровны. Однажды кто-то решился войти в дом во время этих звуков, но, как он сам уверял, его не пустила на порог неведомая сила. Под разными предлогами отец Василий не раз приходил в дом бабушки Насти, но так и не смог уличить её в колдовстве. Да и повода не было. Икона в доме была, лампада тоже и свечи на подоконнике, и православный календарь на стене, и молитвослов. На проповеди о. Василий уверял прихожан, что не стоит бояться, если верой крепок. А если нет, то и в своём доме чего нечистое разглядеть сможешь. Сельчане верили ему. После службы покидали церковь воодушевлённые словами батюшки о Высшем суде, о силе Духа Святого, но проходило несколько дней, и находился тот, кто снова слышал странные звуки из дома Громовых.

А может это были вовсе не звуки, а может быть, это были...

Саша давно заметил, что бабушка менялась в лице после своих «песен». Она становилась живее и поворотливее, будто снимала с плеч с десятков лет. Отчасти поэтому Саша и любил «песни». После них бабушка по привычке пекла вкусные пироги и заваривала ароматный чай. Иногда она могла с утра до вечера без устали управляться по дому. Подолгу ухаживала за козами, ремонтировала покосившуюся крышу

навеса, чинила старый забор, однажды затеяла стирку и в это же время полезла на сушилы⁶, чтобы заготовить сена козочкам. Правда после бабуля начинала хворать. Мама знала, что так будет, поэтому заранее готовила лекарство, которым и отпаивала её, но привести бабулю в чувство могли только они – «песни».

Сидя на скамейке в окружении незнакомых людей, Сашенька вдруг захотел услышать «песни» вновь. Он подумал, что в таком случае ему станет не так одиноко, как сейчас. Он ещё никогда не чувствовал себя настолько одиноким. Внутри росла неведомая пустота, словно он потерял нечто важное и теперь придётся жить лишь наполовину. Раньше он мог радоваться каждому новому дню, играть в солдатики и угощаться вкусным вареньем, а теперь он был уверен, что произошло что-то настолько страшное, настолько непоправимое, что больше ничего этого не будет. И странные люди вокруг. Эти странные люди. Высокие и приземистые, широкоплечие и сутулые, с недобрыми лицами люди. И тайник на печи, который именно сейчас почти ничего не стоит вскрыть. Никто не увидит! Что там такое? Возможно, именно его с таким рвением ищет мама? А где же бабушка? Почему ему никто ничего не говорит?

Расправившись с баранкой, Сашенька подобрал под себя коленки, чтобы ногами встать на скамью. Та чуть пошатнулась, когда малыш выпрямился во весь рост, и чуть не опро-

⁶ Сушилы – верхний этаж над амбаром.

кинулась на бок, когда он встал на цыпочки, чтобы увидеть, кто же лежит в ящике.

В ящике лежала бабуля. С плотно прикрытыми веками и впалыми щеками её лицо было похоже на искусственное. Руки скрещены на груди и зачем-то связаны чёрной верёвочкой.

«Наверное, мама перевязала бабушке больные руки» – первым делом подумал малыш.

В последнее время она часто жаловалась на боль в суставах. Весь день проведя на ногах, вечером баба ложилась в кровать с тяжёлыми вздохами. Бывало, мама заваривала бабушке лекарство, наполняя весь дом запахом сушёной травы, делала компресс для ног и рук бабули. Как бы Сашенька не хотел, чтобы бабушке полегчало, легче ей не становилось. Во всяком случае, от компрессов.

«Тебе больно, Баба? Я могу позвать маму, и она будет читать вместе с тобой, чтобы тебе стало лучше»

Старуха лежала в деревянном ящике, а у изголовья уж заканчивалась свеча. На стене по-прежнему висело накрытое скатертью зеркало. То самое зеркало перед которым читала бабуля. Читала...

Кожей спины Саша почувствовал странный холодок, пробирающийся сквозь складки одежды и облизывающий доступные участки тёплого тела. Обхватив себя руками, малыш обернулся. Холод исходил с печи. Прямоком оттуда, где раньше спала бабуля. С лежака. Саша даже заметил, как

от странного сквозняка колыхалась синяя занавеска. Он не слышал, но чувствовал, что кто-то зовёт его, просит подняться по приступку и сделать то, чего он давно хотел сделать. Немой позыв к действию не оставлял малыша в покое, и Сашенька вдруг вспомнил, что баба «читала» не с пустыми руками.

Наверное, бабушке станет лучше, если она снова возьмёт в руки то, что хранится в тайнике. Ну, конечно! Поэтому-то мама его и ищет!

Мальчонка смотрел на заветный кирпич, торчавший из стены, и сам того не замечая, соскочил на пол. Его охватил страх и азарт одновременно. Всегда бывает страшно, когда что-то делаешь впервые: катаешься на велосипеде, учишься плавать, обманываешь маму.

«Мама говорила не подходить! Но раз мама не смогла, я помогу тебе сам, Баба!»

Маленький Саша почувствовал себя вовсе не маленьким мальчиком, а самостоятельным взрослым человеком, которые знают, что делают. От нахлынувшего волнения у него закружилась голова, но малыш пытался уверить себя в том, что именно так и чувствуют себя те, кто прямо сейчас толпятся в передней, то есть взрослые. Сашенька бычком устался на кривые доски приступка и сделал глубокий вдох, который для него самого означал полную готовность и призыв действовать.

Залезть на печь оказалось проще простого. Одёрнув зана-

веску, Саша впервые увидел избу глазами высокого человека. Перед ним предстали опущенные головы гостей, свечи, горящие у изголовья ящика, и белое, как снег лицо бабули. Саша уже видел заветный кирпич, к которому раньше тянулся паук, и вытащив который, он, наконец, узнает секрет бабушки! Всё происходило так, как он себе и представлял. Никаких отклонений от плана, но Сашенька не мог избавиться от страха быть замеченным, как в тот раз, когда на его месте была бабуля. Едва пухлые пальчики стали тащить кирпич на себя, а со стены на коленки посыпался ржавый песок, Саша почувствовал, как внутри него что-то ёкнуло. Пара глубоких вздохов, и малыш бесшумно открыл тайник. В образовавшейся нише был пыльный матерчатый свёрток не больше глиняной чашки, что стояли на кухонном столе. Сашенька надеялся увидеть нечто пугающее и мерзкое, например сушёную кожу земляной жабы, которую бабушка иногда клала ему под подушку, правда только в тех случаях, когда об этом не знала мама. Или в тайнике могла оказаться вяленая куриная голова с раскрытым в предсмертном крике клювом и пустыми, как горох, глазами. Саша и такое видел. Убрав кирпич в сторону, он устался на связанный капроновой нитью свёрток, больше похожий на тряпичную куклу, чем на спасение бабули. Сашенька не умел развязывать узлы, но чувствовал, что нашел именно то, что нужно. Станный холодок становился сильнее, как и желание ребёнка довести дело до конца. Что на это скажет мама? Вероятно, она будет ругать

его за то, что не остался на месте, а может быть, наоборот, похвалит, потому что Сашенька нашёл секрет и спас бабу.

Как только он подумал об этом, а его ручка коснулась секретного свёртка, Сашенька словно окунулся в ледяную воду. Тысячи игл разом впились в пульсирующее детское тело, а от неожиданности голова вдруг вздёргнулась вверх, будто его кто-то схватил за волосы. Его, трёхлетнего мальчика, ростом не более двух локтей с карими любознательными глазами и открытой чистой душой кто-то схватил за волосы, как надоедливого кота, гадившего в доме. С застывшим от ужаса взглядом Сашенька ощутил, как теряя под собой опору, его тело проваливается вниз, в самое сердце печи-корабля, туда, где жаром дышит паровой двигатель. Сейчас его ручки и ножки сожрёт голодный костёр, подобный тому, что пылает на улице. Зажмурив глаза, он крепко сжал крохотные кулачки, подобрал ножки под себя, превратившись в комочек из одежды и деревянных солдатиков, с которыми не расставался. Но ничего не произошло. Он не стал жертвой огня и не упал вниз, в самое жерло печи. Свернувшись калачиком, он обнаружил себя там же на лежаке. А рядом с ним вытасченный из стены кирпич. Только вот Саша дышал уже не тем воздухом, что прежде. Его глаза видели родную избу, но так, словно кто-то вдруг преобразил вокруг все краски, добавив на стены больше красных узоров. Внизу по-прежнему толпились хмурые люди, а в соседней комнате стоял продолговатый деревянный ящик с бабулей внутри. В воздухе витал

странный запах. Пожалуй, пахло погасшими спичками. Разводя огонь, бабуля складывала их на шесток⁷, где они и оставались, с обугленными головками, источающими запах сгоревшей серы. Тогда Сашенька чувствовал запах, очень напоминающий запах печного шестка с кучей сожжённых спичек. Малыш схватил кирпич и попытался вернуть его на место, полагая, что сможет таким образом избавиться от пугающего его видения, но он не успел этого сделать, потому что кирпич выпал у него из рук.

Старуха открыла глаза. Кожа на её щеках оказалась того же цвета, что и сжатые губы – белые, будто в них не осталось ни капли крови. Даже когда бабушка болела, она выглядела лучше. Редкие седые волосы упали на костлявые плечи, а в помутневшем взгляде отсутствовала жизнь. Её зрачки растворились в жёлтых глазницах с красными прожилками, которые двигались помимо её воли. Лениво открылся беззубый рот.

«Ты болеешь, Баба?» – мысленно спросил малыш, но в ответ увидел, как старушка уставилась на накрытое шалью зеркало.

«Убери!» – прохрипела она, заставляя детское сердечко колотиться быстрее. – «Убери!»

Если раньше Сашенька слышал заботливый голос бабули, то теперь внутри неё говорило нечто злое и недоброе. Сашенька сразу же почувствовал это, но перед глазами сто-

⁷ Шесток - ниша перед устьем печи.

яло бледное лицо его родной бабушки: тот же глаза, нос и рот. Только другие.

Сашенька оцепенел, когда старуха вдруг зашевелила рукой. Связанной рукой. И это было не видение, это было по-настоящему, ведь Сашенька же видел...

Малыш засунул кирпич на место.

«Баба, ты меня видишь?»

Старуха издала истошный звук, который слышал только малыш. Люди будто и не заметили, как жадно глотая воздух, открывался кривой рот, а из горла вылетел булькающий хрип.

«Убери» – услышал Сашенька.

Это был точно голос бабули, но на этот раз он был едва узнаваем. Словно на шею бабушки повязали тугой шарф и заставили говорить.

«У-бе-ри!»

Деревянный ящик с треском подпрыгнул на месте и приземлился обратно на табуретки. Дряблое тело при этом чуть не выпало на пол, прямо под ноги пришлым незнакомцам. Саша вздрогнул от неожиданности. Он не знал, что пугало его больше – странное поведение бабули или то, что кроме него, никто ничего не заметил. Люди стояли вокруг ящика, склонив головы, и смотрели в него, как в воду. Внезапно Сашеньке стало слишком холодно. Он посмотрел на дверь, но та была закрыта. Никакого сквозняка. Но ноженьки уже охватил странный озноб, кончики пальцев начинали неметь.

За окном бушевал костёр. Казалось, что его треск уже слышен внутри дома и с каждой секундой, пока он горел, Саша чувствовал, что погружается в бездну холода и мрака.

«Баба, это ты?» – послал мысль Саша. – «Что ты делаешь?»

С хрустом старых позвонков бабуля выпрямила спину и поднялась из ящика, цепляясь за борт крючковатыми пальцами. Голова колыхалась, будто не имела под собой опоры, а на шее образовались складки кожи с кровяными подтёками. Трясущиеся сухие губы сжались от напряжения. Бабуля опёрлась руками в дно, чтобы встать, но мёртвое тело вернулось обратно в гроб, словно его сковали невидимой цепью, отчего бабуля взвыла:

«У-бе-риии!!!»

Саша обомлел от ужаса. Это была она – баба, но на этот раз Саше показалось, будто бабушку кто-то примерил на себя, как костюм. Перед ним была его любимая баба, которая угощала вареньем, читала сказки и помогала строить во дворе огромную снежную башню. Когда мама уходила на работу, Саша ходил с бабой гулять. Это она – баба! Но Саша слышал голос, который был уже кем-то присвоен:

«У-БЕ-РИ!!!»

Саша вдруг понял, что именно нужно было сделать, чтобы бабе стало легче. Зеркало! Всё дело в зеркале! Ну, конечно! Раньше баба читала «песни» перед зеркалом. А теперь его нет. Нужно снова сделать так, чтобы баба смогла читать, то-

гда ей станет лучше. Раньше так и было. Он потянулся ножками вниз на приступок. Холод не отпускал. Сашеньке показалось, будто он стоит босиком на снегу, а старые доски приступа покрыл колкий иней. Спустившись, Саша подошёл к толпе людей, которым было не до него. Немой взгляд упёрся в настенное зеркало. Он никогда бы не достал до него, даже если бы поставил стул, как и не достал бы до того, что над умывальником. Слишком высоко. А как на счёт того, что в сенях?

На кухне гремела посудой мама. Она снова что-то искала, только теперь уже в выдвижных ящиках, на шестке, под старым паласом и даже в мусорном ведре.

– Нина, перестань, – успокаивала её женщина в клетчатом переднике.

Вскоре к ней присоединилась другая.

– Я чувствую, что мы что-то упустили, – без сил опустившись на стул, сказала мама. – Я нашла только пять.

– Мы всё сожгли, – утешала женщина в переднике. – Везде уже смотрели. Не изводи себя, Нина. Лица не тебе нет.

Мама тихо заплакала. Если бы не люди вокруг, то рыдалась бы в голос. А тут силилась, чтобы не издать лишнего звука. Так и плакала она, бесшумно и скрытно, как только может плакать женщина, сильная и смертельно уставшая.

Сашенька уже оказался у порога, уставившись на изогнутую ручку двери, которая выросла на пути, как непреступная стена. Странный мороз уже пробрался под рубашонку, от-

чего кожа покрывалась мурашками, но Саша решил не сдаваться. Оно там, в сенях – зеркало! Нужно только спуститься вниз! Как назло, никто не подходил к порогу. Пришельцы толпились у входа в переднюю, что-то шептали друг другу на ухо, а рослые, сутулые мужики время от времени подходили к странным бутылкам на столе, от которых пахло кислым рассолом.

«Убери» – вновь услышал Сашенька странный голос бабули, но теперь он был далёк и почти не различим.

Мальчонка понял, что баба уходит. Скоро её вовсе не станет, а деревянный ящик закроют большой крышкой, той, что оставили снаружи. Саша видел, как утром мужики прислонили её к забору возле пылающего костра.

«Сейчас, Баба! Я всё сделаю!»

– Смотрите, идёт! – всполошилась вдруг одна из старушек. – Идёт отец Василий! Сам идёт, а говорили, обезножил. Чего же стоите? Встречайте.

Саша не мог видеть, как высокий человек в рясе, хромая, на обе ноги приближался к дому бабушки. Не мог он видеть и следовавших за ним двоих послушников, которые помогали отцу Василию подняться на порог. Сашенька не подбежал к окну и не стал становиться на цыпочки, чтобы посмотреть, как о. Василий войдёт в сени, а затем откроет скрипучую дверь. Сашенька ждал этого. Он снова уставился на кривую ручку, понимая, что шанс помочь бабе вот-вот появится. Уже стали слышны тяжёлые шаги и скрип половых досок.

Ещё чуть-чуть и Саша, собрав волю в кулак, впервые в жизни сделает что-то без разрешения матери. Вот тогда-то он и не подведёт, тогда-то он и покажет, что Сашенька не просто малыш, а Сашенька может, Сашенька сильный, потому что баба его попросила.

Вытирая слёзы кухонным полотенцем, мама собиралась встретить священника. Устав от суеты, она не заметила, как потеряла из виду маленького сынишку. Сашенька, спокойный и послушный малыш, каких было поискать. Тот Сашенька, который безоговорочно слушался маму, тот самый, которого легко можно было оставить сидеть одного на скамье с наказом никуда не ходить, что и было сделано и вдруг... Стоит один у порога и смотрит на дверь, как замороженный. Наверное, мама поняла по-детски наивное намерение ребёнка, и в то же время настолько ужасное и вопиющее, что успела выкрикнуть лишь слово, когда отворилась дверь.

– САША!!!

Отец Василий замер на месте, как неживой. Он и подумать ничего не успел, как мимо него вдруг проشمыгнуло что-то маленькое и быстрое.

– САША, СЫНОК!

Малыш уже мчался к заветным ступенькам. Под ногами жгло огнём от промёрзших досок. Сашенька схватился за носик. Холодно. Гораздо холоднее, чем было в доме. Теперь озноб сковал его тело, заставляя сердечко сжиматься в комочек, и на мгновение замереть. Дыхание перехватило.

«Я сейчас, Баба. Ты только подожди чуть-чуть!»

Вдогонку бросилась мама, чуть не сбив с ног о. Василия и послушников. Сашенька слышал, как она звала, как, поскользнувшись на скользком полу, она упала, как кричала ему в спину:

– СЫНОЧЕК!

Она пыталась предупредить, уберечь от неминуемой беды, надеясь на то, что маленькие детские ручки не сделают того, чего задумали. Последняя ступенька и вот оно – зеркало. На нём висело старое полотенце, один конец которого свис настолько низко, что даже такой маленький человечек, как Саша мог бы дотянуться до него, чтобы....

– САША, СТОЙ! – услышал он напоследок, прежде чем дёрнуть за тряпочку. От охватившего детское тело холода, в глазах поплыло. Маленькое тельце словно заключили в тиски и стали сжимать до хруста костей, а рядом, уже стоял палач и ржал во всё горло, наблюдая за тем, как жертва попала в ловушку. Дышать стало невозможно, и Саша почувствовал, как больно его голова бьется о промерзший деревянный пол. Тело ему больше не принадлежало. Малыш упал.

«Держи, Баба. Теперь ты можешь выйти из ящика! Я сделал, как ты сказала»

Саша мог бы поклясться, чем угодно, что в следующее мгновение услышал в собственных ушах настолько громкий смех, что резало слух. Громкий, ужасный смех с утробным

клокотаньем, похожий на бабушкину «песню», только это была не «песня». Только не на этот раз. Это был вопиющий крик сотен людских голосов, изнывающих от страданий и боли. Они будто горели в костре, что буйствовал снаружи. Ужасные людские голоса умоляли прекратить пытки, рыдали и снова заливались яростным криком от осознания вечных мук адского пламени. Они будто окружили маленького Сашу со всех сторон и орали ему прямо в ухо, а костёр трещал, выплёвывая в небо столбы красных искр. И над всем этим был смех. Победный, лающий смех. Настолько ужасен был этот звук, что Саша хотел было прикрыть уши ладошками, но чьи-то крепкие руки вдруг подхватили его и потащили обратно в дом. Это был отец Василий.

А мама так и осталась лежать на холодном полу. Она уже не стеснялась и рыдала в голос, сжимая в руке снятое с зеркала полотенце. Кто-то из пришедших помог ей подняться и зайти в обратно в избу.

После отпевания Сашенька уснул. Даже когда сельчане проводили бабушку в последний путь и уже вернулись с кладбища для поминального обеда, малыш так и не проснулся. Крепко спал. Неприятный случай списали на мальчишеские проделки, но осадок остался. Нина держалась из последних сил. На похоронах она не проронила ни слова и во время прощания так же оставила при себе свои мысли, ко-

которые превратились в отчаянные рыдания только после того, как гроб опустился в могилу. К счастью, о. Василий был всегда рядом и не отпускал от себя бедняжку ни на шаг. Он всегда чувствовал особенную, возложенную на него свыше ответственность за семью Громовых. Возможно, поэтому после случившегося он с виноватым взглядом вызвался проводить Нину до дома. По возвращению Нина Ивановна обратилась к нему:

– Батюшка, могу я с Вами поговорить наедине?

Отец Василий без слов взял за локоток измождённую женщину, чтобы отвести в сторонку. Нина же была на волосок от того, чтобы сдаться и опустить руки. Ранее сильная выносливая женщина всего за один день превратилась в обесилевшую старушку.

– Говори, Нина, – сказал о. Василий, как только удостоверился, что рядом нет посторонних. – Что тебя гложет?

– Мы нашли не все книги, – прерывистым голосом призналась она. – Я точно помню, что их было шесть. Каждую из них мама заворачивала в материю и хранила отдельно друг от друга. От меня прятала.

Отец Василий сглотнул.

– Ты уверена, что их было только шесть? – спросил он.

– Да. По одной на каждый день, – с сожалением ответила Нина. – В понедельник одна, на вторник другая. В воскресенье мама не могла «петь».

– Вы всё проверили?

– Да. Нашли пять. В костре сожгли.

Отец Василий поднял голову вверх. В его взгляду Нина почувствовала, что он не имеет страха. Разве что напряжён.

– Господи Боже, что же это делается такое, – произнёс он в воздух.

Затем он опустил ладонь на голову женщине и сказал:

– Ты, Нина, не бойся ничего. Бог он милостив и способен принять в Царствие своём заблудшую душу. Если будем усердно молиться, то примет её Господь, и никакие сатанинские книжонки не смогут этому помешать.

– Я боюсь, – всплакнула Нина. – А как же зеркало? Зачем Саша так сделал? Это же она его попросила?

– Не изводи себя попусту, – одёрнул её о. Василий. – Не придумывай то, чего не знаешь. Дети шалят. Такое бывает. Зачем говоришь так? Теперь её душа отошла к Господу. Нет здесь больше ничего.

Увидев слёзы на измученном лице женщины, о. Василий добавил:

– Начни другую жизнь вместе с сыном. А Бог вам поможет. Ты только молиться не забывай, а всё остальное приложится.

– Простите меня, батюшка, – вдруг сказала Нина и сама взяла о. Василия за руку.

– Так за что же это, голубушка моя? – удивился тот.

Нина подняла глаза и тогда о. Василий увидел, как тяжело она пережила похороны матери. Он надеялся, что имен-

но потеря близкого человека так изменила Нину, хотя не исключал и других причин, о которых сам себе не хотел признаваться.

– За сомнения мои, простите, батюшка, – сказала Нина. – За мысли мои плохие!

– Ты про что, душа моя?

– Так ведь я же всё видела, – дрожащим голосом ответила Нина. – Видела, что она делает! Запрещала ей! Ругала! Говорила, что Бог накажет! А она не слушала! Наговорила как-то в сердцах ей такого, что врагу не пожелаешь. Так и сказала: «Если не прекратишь, помрёшь! Сказала, что молиться буду, чтоб померла ты!» А потом сама плакала два дня. Прощения просила. Мама же всё-таки. Ох простите меня, батюшка. Видите, как всё повернулось-то теперь. Одни остались.

Отец Василий взял Нину за плечи и сказал:

– На всё Воля Божья. А то, что каешься передо мной, зачтётся тебе. Приходите в субботу на службу. Причащу вас. А если пурга будет, скажу Кириюхе, чтоб лошадей запряг. Приезжайте. Вместе помолимся. А избу вашу я завтра освящать приду. Не переживай, душа моя, Господь не оставит.

Нина вытерла слёзы и поблагодарила батюшку:

– Ох, спасибо Вам, отец Василий. Если бы не Вы, я...

– Молись и молись, – перебил её батюшка. – И утром и вечером. Молись за сына, за себя. Всё хорошо будет. Вот увидишь. Только благодарить не забывай.

– Спасибо.

После этих слов о. Василий отправился к себе на другой конец села. Поминки вскоре закончились, оставив в доме Нину и ещё трёх неравнодушных женщин, которые согласились помочь с уборкой. Через час посуда была перемыта и аккуратно сложена в шкаф, печь заново протоплена, так что до утра можно было не переживать о том, что будет холодно. Сашенька спал. Нина накрыла его вязаным одеялом и положила на старую кровать, обойдя стороной печь, на которой раньше спала бабуля. Нина поблагодарила помощниц, и те уже под вечер разошлись по домам. За окном вскоре стемнело. Чтобы не разбудить сына, Нина не стала включать свет, зажгла керосинку. Поставила её на стол, где на потолке от лампы ещё с прошлых времён появилась чёрная несмываемая копоть. В печи ещё тлели оранжевые угли, и уставшая женщина села на скамью, чтобы немного отдохнуть перед тем, как пойти на двор. Дойные козы остались без любимой хозяйки, поэтому в избе стало слышно, с каким рвением они призывают её на помощь. Анастасия Егоровна доила их два раза в день, не позволяя Нине подходить к ним ни на шаг, чему та и не противилась. «Её козы, пусть и доит их сама» – обижалась Нина. Так и повелось, что кроме бабули ухаживать за скотиной никто не ходил. Иногда Нина позволяла себе покормить козочек вместе с сыном, но только если этого не увидит бабушка. А Саша не скажет. Саша умеет хранить секреты.

– Сейчас иду, – прошептала сама себе под нос Нина, услышав жалобное блеяние козочек, – Теперь мне с вами управляться, так что потерпите.

Женщина окинула взглядом избу, в которой жила с рождения и обомлела, словно увидела призрак. В углу огромный паук раскинул свои сети, а на подоконнике размазанным зелёным пятном расцвёл лишайник. С деревянных стен вдруг пошла зловонная испарина, сродни запаху гнилых зубов. Нина подскочила, но обратно на скамью её вернул ужасный звук из печи. Она готова была подбежать к раскалённой крышке подтопка, чтобы открыть её, но внутренний голос твердил ей: «Сиди на месте». Нина окинула взглядом комнату, которая преображалась на глазах. На столе со стопкой перемытой посуды раскидывала свои краски плесень. Вскоре она превратила в стол в трухлявый пенёк, обросший грибами. Затем рваные узоры перекинулись на стены, шкаф, умывальник. Нина в ужасе посмотрела на сына.

– Саша!

Словно змея, к спящему мальчугану подбиралась она... Плесень! Ножки ребёнка уже провалились в мягкое тело грибка, стаскивая его с кровати. Нина в отчаянии бросилась к малышу, но видение в миг исчезло. Всё вокруг стало, как прежде: и стол, и скамья, и печь, и Сашенька. Малышу ничего не угрожало. Сжав кулаки, Нина поднялась с места. Позже на ладонях останутся кровавые отметины.

«Господи Боже, что это такое было?»

В поисках ответа, Нина взглянула на икону Пресвятой Богородицы, некогда пришедшую в дом её матери, и решила сделать так, как наказал ей о. Василий – помолиться. Она совсем забыла, когда в последний раз испытывала радость молитвы, наполняя сердце Божественной благодатью и смирением. И в самом деле? Неужели она так давно не приклоняла колени, что не могла вспомнить, когда Господь отвечал ей? Отвечал ли? Сомнения одолевали затуманенный разум, но Нина уже не верила самой себе, не верила своим глазам.

«Нужно помолиться прямо сейчас! Здесь и сейчас!»

Как только она успела подумать об этом, то мгновенно почувствовала, что её намерение кому-то не в радость. Тому, кто прямо сейчас появился в сенях, словно тень среди ясного дня. В дом пришли. Было тихо, но Нина уже не сомневалась в том, что на лестнице кто-то стоит. Она с опаской взглянула на спящего малыша, затем на закрытую, но не запертую на засов дверь.

«Не делай этого», – подумала вдруг Нина и поняла, что мысли ей кто-то насильно впихивает в голову.

«Не делай»

Она почувствовала внутри себя чужую волю, как только обратилась к Святому Образу. Усталость, как рукой сняло.

«Не надо себя накручивать», – подумала Нина. – «Нельзя верить в то, чего не знаешь наверняка»

Она повторила про себя слова о. Василия и дрожащей рукой прислонилась к ручке, толкнув её вперёд. Дверь отвори-

лась, впус­тив в избу хо­лод­ный воз­дух. Ни­ко­го. Но кто-то ды­шал ей в спи­ну, кто-то слы­шал, как тре­пещет её серд­це, как съёжи­ва­ют­ся от стра­ха внут­рен­ние ор­га­ны, пока Ни­на спу­ска­лась вниз по сту­пен­ям. На сте­не тём­ным пят­ном повис­ло не­при­кры­тое зер­ка­ло. То са­мое зер­ка­ло. Она ни за что бы не ста­ла под­хо­дить бли­же и тем бо­лее сме­от­ре­ться в не­го, но на дво­ре вдруг по­слы­шалось стран­ное ожив­ле­ние, по­хо­жее на частый топот ко­пыт. Кто-то про­тяж­но мы­чал, сло­вно ко­ро­ва, испы­ты­ва­ю­щая ро­до­вые му­ки.

– Тво­я ду­ша в ино­м ми­ре, – от не­ожидан­но­сти про­из­нес­ла вслух Ни­на. – Я бу­ду мо­лит­ся за те­бя, и ты об­ре­тёшь по­кой.

От ска­зан­ных слов ста­ло лег­че, но ров­но на­сто­лько, что­бы пре­воз­мо­чь не­стер­пи­мое же­ла­ние оста­но­вить­ся и не хо­дить на дво­р. А на дво­ре кто-то сто­нал. Мо­жет быть, ко­за по­па­ла ко­пы­том в щель ме­жду до­сок или ро­га­ми за­стря­ла в частой об­ре­шёт­ке за­гона? Рань­ше та­кое слу­чалось. Нуж­но бы­ло про­ве­рить и от­ве­сти от се­бя ду­рные мы­сли, и тут-то Ни­на по­ня­ла, что нуж­но сде­лать над со­бой ог­ром­ное уси­лие, что­бы быть вы­ше соб­ствен­ных, необ­со­но­ван­ных стра­хов. Ме­жду «ре­шить­ся» и «сде­лать» на­вис­ла ог­ром­ная про­пасть, по­это­му про­шло око­ло пя­ти ми­нут, пре­жде чем Ни­на сд­ви­ну­лась с мес­та. За­жав в ку­ла­ке на­тель­ный крест, она вы­шла на дво­р, где еди­нствен­ным ис­точ­ни­ком све­та бы­ла в­кру­чен­ная в па­трон лам­па-со­ро­ков­ка. Её ещё в про­шлом го­ду по­ста­вил Ки­рю­ха, а вот к сто­лбу так и не при­кру­тил. Сло­вно оди­но­кий свет­ля­чок, она свис­ла с по­то­лка на ви­том про­во­де,

обдавая тусклым светом прямоугольный загон. Пахло прошлогодним сеном и козьим молоком, но на этот раз в воздухе витал привкус горелого дерева – отголоски тлеющего костра.

– Что тут у вас? – спросила Нина, когда увидела двух чем-то обеспокоенных козочек.

Всего у бабули их было три – две дойных и одна молодушка – Белка. Приблизившись вплотную к забору, Нина увидела, как одна из дойных крутилась волчком, а другая упиралась в дверь рогами, чтобы открыть засов.

– Тише-тише, – сказала Нина, как козочка вдруг снова упёрлась рожками в дверь.

Её что-то пугало. Настолько сильно, что в следующее мгновение от мощного выпада, с головы козы с хрустом что-то отвалилось. Это был рог, и теперь он плавал кровавой луже, в которой тонули остатки соломы. Нина отпрянула от загона, как от огня. Она могла подумать, что козочки ведут себя странно от того, что к ним не пришла бабуля, или может быть они чувствовали тяжесть воцарившейся атмосферы в доме, но Нина так не подумала, потому что почувствовала присутствие чужой воли не только в себе, но и в козах.

«Нужно было СЕГОДНЯ заколоть их всех!

Белка находилась в отдельном загоне. Она встала на задние копыта, а передними упёрлась в забор, будто собиралась перепрыгнуть через него. Нина уставилась на неё стеклянными глазами фарфоровой куклы. Сердце сжимал чей-то сильный кулак, готовый живьём вырвать его из груди. В сосед-

нем загоне разразилась криком истекающая кровью безрогая скотина, но Нина не обратила на неё ни малейшего внимания, так как перед ней предстало то, от чего она оцепенела от ужаса, хотя в глубине души ожидала увидеть нечто подобное.

Белка выгнула спину под невероятным углом, так что почти сложилась вдвое. Раздался глухой хруст шейных позвонков, отзывающийся конвульсиями в голове с каждым новым переломом хрящиков. Нина слышала, как позвоночник животного превращается в кровавое месиво, а в зрачках козьих глаз проявилась человеческое сознание. Рогатая голова внезапно обернулась к Нине, расплываясь в издевательской улыбке.

– Боже Милостивый... – взмолилась Нина, отступив назад.

В то же мгновение проснулись потухшие сомнения, которые, по словам о. Василия, являлись лишь домыслами. Он не мог соврать! Он служителю церкви и знает, о чём говорит. Но в то же время он человек! Всего лишь человек! Мог ли он ошибаться, как человек!?

«Твоя душа не здесь! Ты ушла на небеса!»

Нина вдруг схватилась за сердце, лишившись дара речи. В переполненных первобытным страхом глазах рождалось безмолвное противоречие в то время, как рука самопроизвольно ухватилась за ручку ржавого топора.

– А ты в этом уверена? – усмехнулся козий рот голосом матери – Ты в этом уверена?

Нина в слезах занесла топор над головой.

Я убью вас всех, и ты отправишься на небеса!

С леденящим душу спокойствием, Нина сняла засов с дверки загона.

Да простит меня Бог, если я не права!

Сашенька привык просыпаться рано, ещё до петухов. Зимой это время наступало незадолго до восхода солнца, а летом с первыми его лучами. Он не помнил, как накануне вечером застал его сон, зато чувствовал чрезмерное спокойствия и глубокое благоговение, возникшее, как только он открыл глаза. Если бы Сашенька был старше, он мог бы сравнить эти чувства с приливом радости от Причастия Христова или трепетом перед праздничным Пасхальным обедом, когда сняты добровольные ограничения в пище, когда чист дух и помыслы и ты благодарен Богу, за то, что он открылся тебе, как и ты открылся Ему. Малыш проснулся. С первым мгновений, он понял, что в доме царит звенящая атмосфера умиротворения и равновесия. Тишина. Сашенька не сразу заметил маму, сидящую на скамье возле окна. Не сразу, потому что мама не издавала ни звука, когда он скинул с себя одеяло, свесив ножки вниз. С пугающим равнодушием мама смотрела в пустое окно, за которым где-то там, далеко за ломаным горизонтом полей зарождался новый день. Если бы мама не качалась из стороны в сторону, как кукла-неваляшка, Сашенька подумал

бы, что она спит с открытыми глазами. На ней уже не было вчерашней серой кофты и смятой чёрной юбки, поверх которой ещё с утра повязался рабочий передник. На ногах не было резиновых калош, стоящих обычно за дверью, и даже шерстяных вязаных носков, подобно тем, что сушились на печи. Мама была одета в чистую одежду, по всей видимости, свежeweыглаженную, потому что в доме витал запах тлеющих углей, которыми питался тяжёлый старый утюг. Непокколебимый образ матери дополняли чистые волосы, сплетённые в косу наперевес, и волевой взгляд коричневых глаз, разве что немного грустных или больше задумчивых. С кухни повеяло запахом стираного белья и хозяйственного мыла. В топке без надобности трещали свежие дрова – сердце огромного кирпичного корабля, на плите стояло железное ведро, в котором грелась вода для бытовых нужд. Рядом у основания печи кто-то оставил вымазанный чем-то красным фартук и пару испачканных полотенец. Тоже красным. В углу Сашенька увидел деревянную рукоять топора, торчащую из ведра с бардовой, как малиновое варение, водой. Малыш не стал ни о чём спрашивать маму, дабы не хотел прервать кажущийся ему естественный ход событий. Пусть всё останется так, как есть сейчас. Пусть навсегда останется в душе эта странная утренняя радость, эта парящая лёгкость мысли и чувство защищённости. Пусть останется мама наедине со своими думами, пока алые утренние лучи не постучатся в окно, ознаменовав начало нового дня. Пусть это утро длится, как мож-

но дольше. Очень хорошее утро, и оно было бы ещё лучше, если бы бабушка была рядом.

Её больше нет, она ушла. Сашенька чувствовал опустошение внутри себя, хотя и не понимал, что именно случилось с бабулей и где она на самом деле. Но точно уже не здесь, не в этом доме, который сбросил с себя оковы бабушкиных «песен», а её заключённое в деревянную рамку зеркало стало лишь обыкновенным, пожелтевшим от времени, настенным зеркалом. На мгновение Сашенька почувствовал острую боль утраты по родным рукам бабули, по её старческому смеху и сладкому варению из земляники или малины, которую можно было есть лишь по ложечке, чтобы ненароком не заболеть. А с какой радостью встречали её козочки, когда та заходила в загон, чтобы надоить парного молока! Он будет скучать, по бабушке, как может скучать наивное детское сердечко, будет тосковать по её заботе и ласке. Будет ли?

На столе заканчивалась керосинка, уступая место дневному свету, крадущемуся в окно, а Сашенька медленно терял покой от навязчивой мысли о бабушкином тайнике. Вкрадчивым взглядом мальчик искоса посмотрел сначала на молчащую, как памятник, маму, а затем на торчащий из стены кирпич. Мама по-прежнему глядела в окно, не замечая пробуждения сына. С обезличенным лицом она качалась из стороны в сторону, словно её движения были результатом работы невидимого кукловода.

Малыш стал медленно расплываться в широкой улыбке безумца, понятной только ему. Сердечко kloкотало, как маленький мотор, заставляя его часто и глубоко дышать. Пристальный взгляд Сашеньки так и не сошёл с заветного кирпича, когда до него, как приближающийся поезд, стала доходить спасительная мысль: он свободен от слёз и скорби по родной бабушке, он не будет испытывать глубокую боль утраты и плакать по ночам в подушку, и он не расскажет маме про тайник. Зачем? Ведь если станет по-настоящему тяжело, он знает, как поднять бабулю из ящика.

При создании обложки использовалось изображение <https://pixabay.com/ru/photos/%D1%87%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BF-%D0%B7%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D0%BE-%D1%83%D0%B6%D0%B0%D1%81-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%88%D0%BD%D0%BE-4248008/>